

Нобелевская премия

Как-то еще в Ленинграде в гостях у нас, забавляясь рисованием львов и обнаженных дев, Бродский среди рисунков оставил двустиишие из тех немногих французских слов, которые знал:

Prix Nobel?
Oui, ma belle.

Вполне отдавая себе отчет в том, как велик элемент случайности в таких делах, Бродский, видимо, всегда полагал, что он может быть отмечен этой высоко престижной наградой. У него была в характере спортивная, состязательная жилка – с юных лет его

507 Все примеры из «Watermark» («Набережной неисцелимых»). Все это, разумеется, делает адекватный перевод на русский таким же трудным делом, как перевод стихов. Вот как звучат эти фрагменты в переводе Г. Дашевского: «попытка приручить – или демонизировать – божественное» (аллитерация не воспроизведена), «брызжа, блеща, вспыхивая, сверкая, она рвалась» (аллитерация частично воспроизведена), «идущая скорее от Клода, чем от кредо» (ассонансная рифма в русском та же, что в английском). И второй – «в сущности, они играют роль не проводника, а водяного». Стараясь сохранить звуковой повтор, переводчик отошел от оригинала, где буквально: «они не столько помогают тебе, сколько превращают тебя в водоросль» (*СИБ-2*. Т. 7. С. 19, 45, 13, 23).

508 См. *Polukhina 1997*.

509 См. *Лосев 1996*. С. 235–236. Как Бродский использовал «поэтическую поэтику» в своей прозе, исследуется в работе В. П. Полухиной (*Polukhina 1997*).

непосредственной реакцией на чужие стихи было: я могу это сделать лучше⁵¹⁰. К различным призам и наградам, которые посыпались на него после 1972 года, он относился прагматически (дополнительный доход) или иронически, не придавая им большого значения. Но Нобелевская премия имела для него, как и для всех русских, особый ореол. В изолированной от внешнего мира России вообще все явления западной культуры приобретали особый мифологизированный статус. Если на Западе среднеобразованного обывателя мало интересует, кто стал лауреатом Нобелевской премии по литературе в текущем году, то в России, благодаря чудовищным по кретинизму пропагандистским кампаниям против присуждения Нобелевской премии Пастернаку (1958) и Солженицыну (1970) и не менее шумной официальной радости в связи с премией Шолохова (1965), «нобелевка» стала предметом общественных интересов. Постоянные разговоры в кругу Бродского шли о Нобелевской премии для Ахматовой. Осенью 1965 года, как раз когда Бродский вернулся из ссылки, друзья Ахматовой полагали, что она была финалистом, а предпочтение было отдано Шолохову только потому, что шведы хотели ублажить советское руководство после еще памятного скандала с Пастернаком. Чуковская пишет о том, как она услышала сообщение о премии Шолохову: «Меня будто грязным полотенцем по лицу ударили»⁵¹¹. Как мы знаем теперь, имя Ахматовой действительно обсуждалось Нобелевским комитетом, но в 1965 году она, как и Оден, имела в комитете лишь умеренную поддержку. Единственным сколько-нибудь серьезным конкурентом Шолохову среди россиян был К. Г. Паустовский⁵¹².

Работа Нобелевского комитета держится в секрете, но, по слухам, Бродский был номинирован уже в 1980 году, когда лауреатом стал Чеслав Милош. Как водится, его имя несколько лет оставалось в списке тех, кого шведские академики считали наиболее достойными кандидатами, пока, наконец, выбор не пал на него в 1987 году. Сведения о нобелевском отборе 1987 года, раздобытые журналистами, разнятся, но почти во всех списках финалистов, соперников Бродского, встречаются имена Октавио Паса, Шеймуса Хини, В. С. Найпола и Камило Хосе Села. Все они стали нобелевскими лауреатами в последующие годы.

Присуждая премию, Нобелевский комитет лаконично формулирует, в чем состоит главная заслуга лауреата. В дипломе Бродского стояло: «За всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью». Представляя лауреата, постоянный секретарь Шведской академии профессор Стуре Аллен начал речь словами: «Для нобелевского лауреата Иосифа Бродского характерна великолепная радость открытия. Он находит связи (между явлениями. – Л. Л.), дает им точные определения и открывает новые связи. Нередко они противоречивы и двусмысленны, зачастую это моментальные озарения, как, например: «Память, я полагаю, есть замена хвоста, навсегда

510 См., например, *Интервью 2000*. С. 141.

511 Чуковская 1997. С. 307.

512 Бывший посол Швеции в СССР Гуннар Ярринг в 1989 г. вспоминал, как он убеждал постоянного секретаря Шведской академии Андерса Остерлинга, что если «обойдут Шолохова и дадут Нобелевскую премию Константину Паустовскому, это вряд ли будет встречено с одобрением в Советском Союзе. Это только вызовет новую горечь, когда люди все еще стараются забыть обиду, которую они усмотрели в присуждении премии Пастернаку» (цит. по: *Espmark K. The Nobel Prize in Literature: A Study of the Criteria behind the Choices*. Boston: G.K. Hall & Co., 1991. P. 186). Вообще Нобелевский комитет всегда действовал автономно и с политиками и дипломатами не консультировался, но в данном случае, после истории с Пастернаком, они боялись навредить Паустовскому! Шведские академики и дипломаты плохо ориентировались в византийских дебрях советской идеологической политики. Тем не менее, когда тот же Ярринг в 1970 г. советовал повременить с присуждением премии Солженицыну, поскольку это «приведет к осложнениям в наших отношениях с Советским Союзом», Остерлинг ответил: «Да, может быть, но мы пришли к соглашению, что Солженицын самый достойный кандидат» (там же. С. 113).

утраченного в счастливом процессе эволюции. Она управляет нашими движениями...»⁵¹³ Краткая речь Стуре Аллена отразила перемены, начавшиеся на востоке Европы. В прошлом, присуждая премию писателям из советской России, шведские академики с наивной тщательностью подчеркивали аполитичность своего решения. Премия Пастернаку (1958) была присуждена за «важные достижения в современной лирической поэзии», и тогдашний постоянный секретарь Шведской академии Андерс Остерлинг в своем выступлении подчеркивал, что «Доктор Живаго» «выше партийно-политических рамок и, скорее, антиполитичен в общечеловеческом гуманизме»⁵¹⁴. Шолохова в 1965 году наградили за «художественную силу и целостность, с которой он отобразил в своем донском эпосе историческую фазу в жизни русского народа». Солженицына в 1970-м – за «нравственную силу, с которой он продолжил бесценные традиции русской литературы». В конце 1987 года в СССР набирали силу горбачевская перестройка и гласность, что сделало более «гласными» и шведов. Стуре Аллен упомянул конфликт Бродского с советским режимом («Сквозь все испытания – суд, ссылку, изгнание из страны – он сохранил личную целостность и веру в литературу и язык»), не стеснялся представитель академии и в характеристике этого режима («тоталитарный») ⁵¹⁵.

Нередкая реакция на провозглашение очередного нобелевского лауреата – неудовольствие, недоумение, разочарование. В отличие от спортивных состязаний с легко квантифицируемыми показателями задача тех, кто судит литературные достижения, нелегка. Угодить всем вкусам и мнениям невозможно. Критерии, установленные в завещании Альфреда Нобеля, достаточно расплывчаты: «...тому, кто создаст в области литературы наиболее выдающееся произведение идеалистической направленности». В начале двадцатого века шведы интерпретировали «идеалистическое» более или менее в религиозно-философском смысле. Так, первые скандальные *неприсуждения* премий – Толстому, Ибсену и Стриндбергу – академики объясняли именно недостаточным «идеализмом» писателей: Толстой позволил себе кощунственно переписывать Евангелие, Ибсен писал то «слишком социально», то «слишком загадочно», а «декадента» Стриндберга, несмотря на его международную славу, никогда даже не номинировали. Позднее «идеалистическое» стали понимать как эстетически совершенное и гуманное. И все же за восемь десятилетий список имен писателей, не удостоенных Нобелевской премии, едва ли не затмил список лауреатов. Помимо упомянутых трех в него входили такие столпы модернизма, как Конрад, Пруст, Джойс, Кафка, Музиль, Брехт, Набоков, Борхес, такие признанные национальные поэты, как Клодель, Рильке, Фрост, Оден, Ахматова, если не считать тех, чьи имена не стали при жизни достаточно известны в Стокгольме: Чехов, Блок, Цветаева, Мандельштам, Чапек, Лорка, Целан...

В октябре 1987 года Бродский жил в Лондоне в гостях у пианиста Альфреда Бренделя. О своем лауреатстве он узнал, сидя за ланчем в пригороде Лондона Хэмпстеде, в скромном китайском ресторанчике, куда его привел Джон Ле Карре, прославленный автор шпионских романов. По словам Ле Карре, они выпивали, закусывали и болтали о пустяках «в духе Иосифа – о девушках, о жизни, обо всем»⁵¹⁶. Жена Бренделя отыскала их в ресторане и сообщила, что дом осажден телерепортерами – Иосифу присудили Нобелевскую премию. «Выглядел он совершенно несчастным, – продолжает Ле Карре. – Так что я ему сказал:

513 Nobelpriset. The Nobel Prize. Translation of the Speeches at the Nobel Festival 1987. The Nobel Foundation, 1987. P. 27.

514 Цит. по: *Espmark K.* The Nobel Prize in Literature: A Study of the Criteria behind the Choices. Boston: G.K. Hall & Co., 1991. P. 110.

515 Nobelpriset. The Nobel Prize. Translation of the Speeches at the Nobel Festival 1987. The Nobel Foundation, 1987. P. 28, 29.

516 *Труды и дни.* С. 112.

„Иосиф, если не сейчас, то когда же? В какой-то момент можно и порадоваться жизни“. Он пробормотал: „Ага, ага...“ Когда мы вышли на улицу, он по-русски крепко обнял меня и произнес замечательную фразу...»⁵¹⁷ Фраза Бродского, которая так понравилась англичанину, «Now for a year of being glib», идиоматична и поэтому трудно поддается переводу. Glib – это «болтливый», а также «поверхностный» или – «поверхностно-болтливый», «трепотливый». «A year of being / living» – стандартный литературный оборот: «год, когда живешь...» – далее подставляется необходимое наречие или деепричастный оборот (например, в названии популярного фильма австралийского режиссера Питера Уира – «A year of living dangerously» – «Год, когда живешь опасно»). Бродский боялся, что в ближайшие месяцы придется тратить все время на поверхностную болтовню с журналистами и т. п.

Нобелевскую лекцию, однако, он написал с предельной серьезностью, постаравшись в самой сжатой форме изложить в ней свое кредо. В отличие от мозаичного стиля большинства его эссе, где отдельные мысли и импрессионистические наблюдения сталкиваются, заставляя воображение читателя работать в одном направлении с воображением автора, в нобелевской лекции есть две отчетливо сформулированные темы и они развиты последовательно (хотя Бродский и предупреждает слушателей, что это только «ряд замечаний – возможно нестройных, сбивчивых и могущих озадачить вас своей бессвязностью»⁵¹⁸). Это темы, знакомые нам из всего предшествующего творчества Бродского, но здесь они изложены с особой решительностью: сначала он говорит *об антропологическом значении искусства*, а затем *о примате языка* в поэтическом творчестве.

В публичных выступлениях и интервью Бродский нередко шокировал аудиторию заявлением: «Эстетика выше этики». Между тем это отнюдь не означало равнодушия к нравственному содержанию искусства или, тем более, утверждения права художника быть имморалистом. Это – традиционный тезис романтиков, в истории русской литературы наиболее подробно обоснованный Аполлоном Григорьевым. Так, в 1861 году Григорьев писал: «Искусство как органически сознательный отзыв органической жизни, как творческая сила и как деятельность творческой силы – ничему условному, в том числе и нравственности, не подчиняется и подчиняться не может, ничем условным, стало быть, и нравственностью, судимо и измеряемо быть не должно. В этом веровании я готов идти, пожалуй, до парадоксальной крайности. Не искусство должно учиться у нравственности, а нравственность учиться (да и училась и учится) у искусства; и, право, этот парадокс вовсе не так безнравствен, как он может показаться с первого раза...»⁵¹⁹

Мысль о том, что искусство, высшим проявлением которого для Бродского является поэзия, есть воспитание чувств, что оно исправляет нравы, делает человека лучше и дает ему силы сопротивляться враждебным, нивелирующим личность силам истории, традиционна. Бродский и сам упоминает триаду Платона, приравнивающую Красоту к Добру и Разуму, и оракул Достоевского: «Красота спасет мир», – и называет иные классические имена. Из этих общих рассуждений он делает вывод о более чем культурном или цивилизационном значении литературы. Оно – антропологично (ср. «органично» у Григорьева), ибо изменяет самое природу человека как вида. Только *homo legem*, человек читающий, по Бродскому, способен быть индивидуумом и альтруистом в отличие от массового стадного человеческого существа. Бродский как бы предлагает свой вариант эволюции человека. Его улучшенный человек, в отличие от «нового человека» социалистических утопий, индивидуалист и, в отличие от сверхчеловека Ницше, гуманист.

Остроту этим рассуждениям придают два обстоятельства – одно вербализовано в тексте, другое присутствует там имплицитно. Бродский говорит о необходимости чтения

517 Там же.

518 СИБ-2. Т. 6. С. 45.

519 Григорьев А. А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 264.

великой литературы исходя из трагической реальности своего столетия. Двадцатый век – век демографического взрыва, сопровождавшегося беспрецедентными по масштабам актами бесчеловечности: нацистский холокост, сталинские коллективизация и Большой террор, культурная революция в Китае. Самым массовым проявлением зла на планете в двадцатом веке Бродский называет российский сталинизм («количество людей, сгинувших в сталинских лагерях, далеко превосходит количество сгинувших в немецких»⁵²⁰). Заслугу своего поколения Бродский видит в том, что оно не дало сталинизму окончательно опустошить души людей и возобновило культурный процесс в России⁵²¹. Результаты этой культурной, эстетической работы для Бродского очевидны: «Для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительней, чем для человека, Диккенса не читавшего»⁵²². Поэтому «эстетика – мать этики»⁵²³.

В лекции не была высказана прямо, но содержалась критика релятивистских предрассудков и интеллектуальной моды, распространенных среди образованного класса на Западе. Бродский не проходит мимо недостатков западного, в частности американского, общества, но недвусмысленно объявляет массовые социалистические эксперименты, в первую очередь на своей родине, самым страшным злом Нового времени. Между тем в западных интеллектуальных кругах было принято говорить о разных, но уравновешивающих друг друга недостатках двух общественных систем. Принципиальная атака на социализм и коммунизм, как и вообще оценка политических систем в категориях Добра и Зла, считалась реакционной. Если не реакционной, то устарелой и наивной считалась и концепция литературы как инструмента нравственного прогресса. Такая концепция подразумевает некое единое содержание, заложенное в литературный текст автором – Данте, Бальзаком, Достоевским, Диккенсом (в относительно короткой лекции Бродский называет более двадцати имен писателей и философов). Но господствующая интеллектуальная мода провозгласила «смерть автора» и один из постулатов постмодернизма – бесконечная многозначность любого текста. Таким образом, то, что говорил Бродский в небольшом зале Шведской академии, было, пользуясь его излюбленным выражением, «против шерсти» многим слушателям, и это чувствовалось в вежливом, но скептическом тоне вопросов и реплик, прозвучавших после лекции⁵²⁴.

520 Там же. С. 52.

521 Сравните сказанное В. Вейдле о Бродском как восстановителе связи времен (см. гл. I).

522 СИБ-2. Т. 6. С. 50. Вполне возможно, что на ход рассуждений Бродского в нобелевской лекции повлияли его занятия русской поэзией восемнадцатого века. Всего на двух соседних страницах в томе сочинений М. Н. Муравьева (1757–1807), поэта, которого Бродский знал и ценил, встречаются и мысль об эстетическом воспитании как пути к нравственному усовершенствованию (причем слова Муравьева почти парафразированы у Бродского: «Тот, чье „чувствительное сердце понимает страдания Петрарки и разделяет величественную скорбь Федры и Дидоны“, чья душа „возвеличивается при разительных изображениях Корнелия или при своенравных картинах Шекспира“, кто восхищается Ломоносовым, „красотами поэмы или расположением картины“, не в состоянии строить своего счастья на несчастье других». См. Кулакова Л. Поэзия М. Н. Муравьева в кн.: *Муравьев М. Н. Стихотворения*. Л.: Советский писатель, 1967. С. 15), и рассуждение о необходимости просвещения для всех сословий, параллельное мысли Бродского о том, что бедой России было «интеллектуальное неравенство», разделение общества на народ и интеллигенцию, и даже, как и у Бродского, ссылка на лорда Шефтсбери.

523 Там же. С. 47. Нас не должно смущать то, что Бродский противоречит в этом афоризме своему любимому Кьеркегору, который ставил эстетику ниже этики и веры. Кьеркегор называл «эстетикой» гедонизм.

524 Манера Бродского высказывать свои мнения, основанные на авторефлексии и интуиции, в квазилогической форме также провоцировала скептическое отношение некоторых профессиональных ученых (см. об этом в гл. II). В этой связи ценно следующее замечание оксфордского профессора и одного из лучших знатоков русской поэзии на Западе Джеральда Смита: «Тут играет некоторую роль мода – для англичан моего поколения такие эссе, какие писал Бродский, старомодны, особенно стилистически. Литераторы здесь позволяли себе такую манеру до войны, но подобное теперь не практикуется. [...] В этом сказывается, разумеется, еще один важный момент нашей интеллектуальной жизни: специализация, технологизация даже. О

Но вообще присуждение Нобелевской премии Бродскому не вызвало таких споров и противоречий, как некоторые иные решения Нобелевского комитета. К 1987 году он уже был знакомой и для большинства симпатичной фигурой в интеллектуальных кругах Европы и Америки. Хотел он этого или нет, но своей начальной известностью он был обязан драматической истории с несправедливым судом и последующим изгнанием из страны. Его мемуарную прозу находили умной и трогательной. Его стихи в переводах вызвали уважение, а иногда и восхищение, и все на Западе знали о его поэтической славе на родине. Когда журналистам и публике было зачитано решение Нобелевского комитета, аплодисменты, по свидетельству ветеранов, были особенно громкими и долгими. Бродский в первом же интервью после прерванного китайского ланча сказал о премии: «Ее получила русская литература, и ее получил гражданин Америки»⁵²⁵.

На родину известие о том, что Иосиф Бродский стал нобелевским лауреатом, пришло накануне переломного момента. Советский режим уже начал давать трещины под давлением затяжного экономического кризиса и расшатываемый «перестройкой», а идеологический аппарат утратил былую непоколебимость. В былые времена, когда Нобелевскую премию присуждали Солженицыну и Пастернаку, а еще раньше, в 1933 году, Бунину, в советской печати откликались истерической кампанией – обвиняли Нобелевский комитет в том, что он служит капитализму, империализму и т. п. На этот раз воцарилось растерянное молчание. Более двух недель в советской прессе о лауреатстве Бродского вообще ничего не было. Для зарубежной аудитории официальное отношение к событию выразил второстепенный мидовский чиновник. Как раз в четверг 22 октября, в день объявления Нобелевского комитета, в Москву прилетел государственный секретарь США Джордж Шульц. Состоялась пресс-конференция, и прилетевшие с американцем журналисты попросили начальника информации МИДа Геннадия Герасимова прокомментировать присуждение премии Бродскому. Герасимов назвал это решение «странным», сказал, что у премии «политический привкус», что о «вкусах не спорят» и что сам бы он предпочел Найпола⁵²⁶.

Первое упоминание о премии в советской печати появилось только через две с половиной недели, 8 ноября, да и то в газете «Московские новости», отличавшейся максимально возможным для того времени либерализмом. На вопрос корреспондента газеты: «Как вы оцениваете решение дать Нобелевскую премию писателю Бродскому?» – киргизский писатель Чингиз Айтматов ответил: «Выражу только свое личное мнение. К сожалению, лично я его не знал. Но причислил бы к той когорте, которая сейчас ведущая в советской поэзии: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. Возможно (это мое личное предположение), его стихи будут у нас опубликованы. Если поэт известен лишь узкому кругу почитателей, это одно. Когда его узнают массы – это совсем другое»⁵²⁷. Тем, кто узнавал о литературных новостях в стране и в мире из «Литературной газеты», пришлось ждать аж до 18 ноября, да и то читать газету очень внимательно. В середине девятой, международной, полосы появилась заметка о лауреате Нобелевской премии мира президенте Коста-Рики Ариасе. Во вступительном абзаце перечислялись все другие нобелевские лауреаты года. В конце списка: «Иосиф Бродский (США)»⁵²⁸. Через неделю в сообщении из Парижа о форуме «Литература и

Кавафисе, скажем, у нас не станет писать тот, кто не знает новогреческого языка» (Смит 1996. С. 141).

525 World Literature Today, Spring 1988. P. 213. Он также пошутил: «Такой маленький шаг для человечества, такой большой шаг для меня», – перефразируя слова впервые ступившего на Луну американского астронавта Нейла Армстронга: «Маленький шаг одного человека, огромный шаг для человечества».

526 Не исключено, что советский чиновник просто процитировал Бродского, который в одном из первых интервью вслед за известием о премии сказал, что он на месте Нобелевского комитета дал бы премию Найполу. См. *Интервью 2000*. С. 275.

527 Московские новости. 1987. 8 нояб. С. 14.

528 Литературная газета. 1987. 18 нояб. С. 9.

власть» было вскользь сказано, что заявленные в программе «лауреаты Нобелевской премии Чеслав Милош и Иосиф Бродский так и не явились в Париж»⁵²⁹. Это упоминание могло восприниматься читателем как положительное по сравнению с той истерикой, которую закатывала советская пресса после присуждений премий Бунину, Пастернаку и Солженицыну. Редактором «Литературной газеты» был по-прежнему А. Б. Чаковский, который в 1964 году говорил американским журналистам: «Бродский – это то, что у нас называется подонок, просто обыкновенный подонок...»⁵³⁰

Представители слабеющего режима попытались наладить контакт с прославленным изгнанником. Как рассказал нам в те же дни шведский дипломат, из советского посольства в Стокгольме дали знать, что представители родины поэта будут участвовать в торжествах, если он воздержится в лекции от выпадов против СССР, Ленина и коммунизма. Бродский, как мы знаем, не воздержался, и советский посол (по другой профессии – литературный критик) Б. Д. Панкин на церемонию не пришел.

Но в Москве и Ленинграде уже веял ветерок свободы. 25 октября на вечере поэзии в московском Доме литераторов журналист Феликс Медведев объявил со сцены о присуждении Бродскому премии и аудитория разразилась овацией. После этого актер Михаил Козаков читал стихи Бродского⁵³¹. Тем временем поэт и редактор отдела поэзии в журнале «Новый мир» Олег Чухонцев, который встречался с Бродским в Америке еще в апреле 1987 года, добился разрешения напечатать подборку стихов новоиспеченного лауреата в декабрьском номере. Видимо, не намеренно, но большинство вошедших в подборку вещей составили «письма» – цикл «Письма римскому другу», диптих «Письма династии Минь», а также «Одиссей Телемаку» и «Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря...»⁵³². Это вызывало в памяти строки, написанные двадцатью годами раньше:

...ветер,
как блудный сын, вернулся в отчий дом
и сразу получил все письма.

(«Открытка из города К.», КПЭ)